

С ПОЗИЦИЙ ГРАЖДАНИНА

ШАЛОДИИ АДЖИНДЖАЛУ — 50 ЛЕТ

В 1956 году во втором номере журнала «Алашара» был опубликован юмористический рассказ «Женя», который оповестил любителей абхазской литературы о появлении нового талантливого писателя Шалодии Аджинджала. Он родился в высокогорном поселке села Покваш Очамчирского района, в семье крестьянина, трудолюбивого и гостеприимного Маджары. В доме часто собирались не только односельчане, но и сказители окрестных сел, чьи задумчивые разговоры о прошлом и настоящем были интересны и поучительны. Мать будущего писателя Татей — дочь знаменитого во всей Абхазской Абхазии сказителя Темыра Аргуна. Искры народной мудрости согревали Шалодию Аджинджала у родного очага с раннего детства. Затем были учеба в сельской школе, работа на шахте треста «Ткварчелуголь», учеба в Сухумском педагогическом институте им. А. М. Горького, исторический факультет которого он окончил в 1959 году. Именно в годы учебы в институте началась серьезная работа Ш. Аджинджала над художественным словом.

С 1959 года Ш. Аджинджал успешно совмещает творческую деятельность с работой в разных учреждениях. Трудовую жизнь он начал в редакции очамчирской районной газеты «Акомунизм ахь», затем преподавал в гантиадской средней школе-интернате, работал в редакции газеты «Апсны Каша», был директором Абхазского отделения Художественного фонда Союза художников Грузинской ССР. В 1976—1977 годах Ш. Аджинджал заведовал отделом Абхазского обкома КП Грузии. С 1977 года по настоящее время — директор издательства «Алашара».

Широк и многообразен жанровый диапазон произведений писателя. Читателю знакомы книги Ш. Аджинджала — «Желание» (1960),

«Шрам», книга 1-я (1964), «Подлиза» (1966), «Шрам», книга 2-я, (1973), «В ночь на новолуние» (1978), «Корни» (1978), «Сказки, доктор» (1970), «Судьба» (1980). В них — остроумные, юмористические и сатирические рассказы, новеллы, повести, пьесы и роман.

Характерной чертой новеллистики Ш. Аджинджала является ее критическая направленность. Его новеллы, маленькие рассказы демонстрируют жанровую природу абхазских коротких устных рассказов и мотивы традиционного классического юмора. В них автор то злобно бичует халут, невежд, взяточников, карьеристов, расхитителей народного добра, демагогов, то со свойственным ему мягким юмором, улыбочкой рисует комические ситуации действительности. Тематика новеллистики Ш. Аджинджала широка и разнообразна. Здесь прошлое переплетается с современностью, каждый штрих подмечен острым глазом писателя — нашего современника, гражданская позиция которого ясна и определена. Новеллистика Ш. Аджинджала свидетельствует и о том, что он успешно осваивает традиции Д. Гулиа, С. Чанба, М. Хашба, М. Лакербай и других абхазских писателей — мастеров этого жанра.

Сатира и юмор новеллистики Ш. Аджинджала вырастают, если можно так выразиться, из его фельетонов, критических статей и очерков. Читатели областной периодической печати Абхазии помнят, как они выделялись своей злободневностью, сочностью и выразительностью художественного языка, яркостью и индивидуальностью стиля, принципиальностью авторской позиции при критике негативных явлений и при отстаива-

нии высоких коммунистических идеалов. Они имели широкое общественное звучание.

Профессор Ш. Д. Инал-ипа, который тщательно изучил творчество Ш. Аджинджала, приходит к следующему выводу: «Если в произведениях малой формы Ш. Аджинджал выступает, в основном, юмористом и сатириком, разоблачителем, то в эпических жанрах — повести и романе — он вдохновляется пафосом утверждения, акцентирует внимание на положительных героях, старается исследовать такие важные проблемы, как становление национального рабочего характера («Желание») и моральное возрождение человека, который, связавшись с преступным миром, был, казалось бы, потерянным для общества («Шрам»).

Роман «Шрам» в переводе Г. Ковалевича на русский язык получил название «Корни». Это — многоплановое, остроумное произведение, которое зримо представляет судьбы Абхазии и ее народа в прошлом и настоящем. Постоянная переключенность прошлого и настоящего, жизненная позиция самого автора делают роман весьма современным.

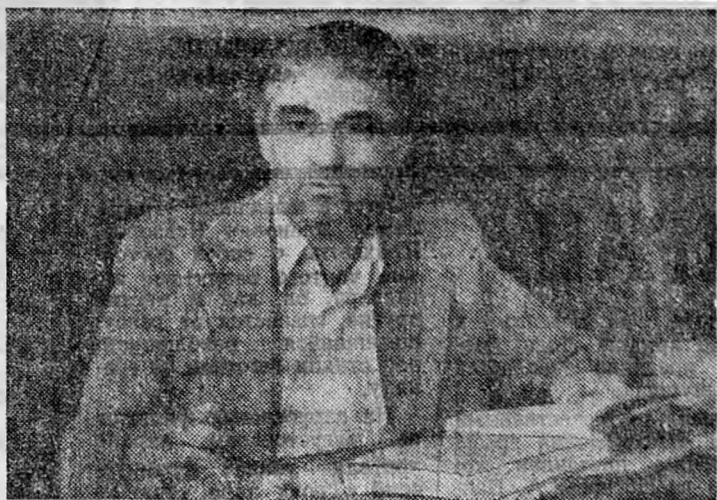
Главным героем романа является Алхас Абжарба, молодой человек с трудной судьбой. Самая большая заслуга людей, протянувших в трудную минуту руку Алхасу Абжарбе, заключается в том, что они помогли ему разбудить утраченное чувство веры в самого себя и в людей.

Роман Ш. Аджинджала ставит многие серьезные проблемы, среди которых особо выделяются такие, как доверие к человеку, поиск своего места в жизни, осуждение пагубной для народа кровной мести и другие. В романе достаточно колорит-

но рисуются бытовые сцены. Яркие и лаконичные диалоги. Сцены, написанные в стиле кинематографа, создают емкие картины действительности. Нельзя не согласиться с Валерием Поволовым, который дал высокую оценку роману «Корни» на страницах «Литературной газеты»: «Что такое корни? Это то, что позволяет человеку быть не «Иваном, не помнящим родства», а полноправным хозяином земли, жизни, судьбы своей, в конце концов. Корни — это прошлое и настоящее народа, это фундамент, на котором будет построено будущее. Корни — это боль и радость народа. Это песни его и плач, это голос людей, которые многие века назад защищали свободу народа. Не дали умереть национальной культуре, традициям». Именно эти корни дали возможность Алхасу перебороть все невзгоды и выжить, обрести настоящую жизнь и голос свободного человека, сильного духом. Образ Алхаса — сложный, противоречивый — безусловная творческая удача автора.

Ш. Аджинджал во многих своих повестях, пьесах, киносценариях воспевают героическую борьбу родного абхазского народа, в художественно выразительных образах показывают трудовые и боевые достижения лучших его сынов и дочерей, огнем своей сатиры выжигает всяких носителей негативных явлений нашей действительности.

Романтизм и драматизм революционных событий периода становления Советской власти в Абхазии легли в основу повести Ш. Аджинджала «В ночь на новолуние». Главный герой повести, вояка народных масс Алиас — человек яркий, незаурядный, обладающий высоким классовым самосознанием, сумевший поднять людей и сплотить их. Эта повесть, как и многие другие произведения автора, завоевала любовь и признание читателей. Об этом свидетельствуют публичные обсу-

ждения произведения, многочисленные письма, получаемые автором. Повесть была экранизирована киностудией «Мосфильм» в 1977 году и завоевала признание всеобщего зрителя, о чем говорят рецензии на фильм «В ночь на новолуние», опубликованные во всеобщей, союзной и областной периодической печати на русском, грузинском, абхазском и других языках народов СССР. Эта повесть инсценирована, и под названием «Голос родника» успешно идет на сцене Абхазского ордена «Знак Почета» государственного театра им. С. Я. Чанба. Была она показана и в Тбилиси, на сцене театра им. К. Марджанишвили. Тбилисский зритель тепло принял пьесу абхазского писателя. На страницах «Зари Востока» поэтика, Герой Социалистического Труда Ираклий Абашидзе так отозвался о спектакле: «В «Голосе родника» Ш. Аджинджала я как бы слушал голос всего абхазского народа... Одним словом, это по-настоящему народный спектакль, полно и глубоко раскрывающий борьбу абхазского народа за свое счастливое будущее». Председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Нодар Думбадзе писал: «Эта рассказ о народе, его борьбе за Советскую власть. Спектакль в своем развитии достигает подлинных драматических высот».

Кинематограф стал одной из плодотворных граней творчества Ш. Аджинджала. В канун 50-летия писателя состоялась премьера нового фильма «Колокол священной кузницы» по сценарию Ш. Аджинджала, снятого киностудией «Мосфильм».

Ш. Аджинджал свое 50-летие встречает в расцвете творческих сил и энергии, о чем свидетельствуют его новые книги, которые в ближайшем будущем выйдут в издательствах «Алашара», «Мерани». Советский писатель на абхазском, грузинском и русском языках. В одном из ближайших номеров журнала «Дружба народов» будет опубликована повесть Ш. Аджинджала «Белый портфель».

У писателя Ш. Аджинджала много новых творческих планов. В связи с 200-летием Георгиевского трактата он представил первому творческому объединению киностудии «Мосфильм» развернутую заявку-либретто на двухсерийный фильм, посвященный добровольному присоединению Абхазии к России. К 90-летию со дня рождения Нестора Аполлоновича Лабока пишет пьесу для Абхазского театра, готовит к изданию новый сборник сатирических рассказов.

Хочется от всей души пожелать Ш. Аджинджалу, чтобы его принципиальной, по-граждански острой музе всегда сопутствовали здоровье и жизнеспособность.

Борис ГУРГУЛИА

Ш. АДЖИНДЖАЛ

НЕ ВСЕ ДЕТИ начинают разговаривать в одном и том же возрасте — одним это удается с полугода, другим после полугода лет. Ну, а я родился совершенно особенным ребенком. Ни слова не произнес я ни в год, ни в два, ни в три. Даже войдя в год пятый своей жизни, я преодолел его, не промолвив ни слова. Вполне естественно, что моим родителям это очень не нравилось. Когда же мне пошел шестой, они разволновались не на шутку, потому что это было ни на что не похоже. Помедлив еще немного, они принялись водить меня по докторам. Чуть слышат о каком-нибудь светице, излечивающем немому, много снаряжаются в путь, не скупясь при этом на расходы — транспортные и прочие.

И вот мне уже семь лет. Как и прежде, я упорно молчу. Молчу и вижу, как день за днем все больше горбится мой отец, все чаще плачет втихомолку мать. И порой хотелось мне крикнуть им: «Да не обращайтесь вы внимания на мой несносный язык! Радуйтесь тому, что ваш сын здоров!».

А здоровым, надо сказать, природа меня не обманула. Я был быстр на ноги и крепок на руки. Никто из соседних ребят не мог меня ни побороть, ни обогнать.

Как-то знойным летним полднем играли мы со сверстниками в нашем зеленом тенистом дворе. Он был широкий и ровный, этот удивительный двор, в котором, казалось, могло бы поместиться все наше большое село. Но в тот памятный день двор оказался тесным для двоих — меня и ершистого рыжего сорванца, который — единственный из всех ребят — не делал скидок на мой физический недостаток, а иногда даже поддразнивал меня.

Так вот, в тот день мой вихрастый сосед был особенно задирчив, и кончилась наша игра тем, что мы сошлись в поединке. После обмена несколькими тумаками рыжий задал стрекача и, взгромоздившись на плетень, высунув свой невероятный длинный язык, а потом

прокричал что-то гнусное по поводу моей ущербности. Это было уже слишком, и я готов был взорваться от гнева, но почему-то не взорвался, а прокричал громовым голосом:

— Стой, если ты не трус! — О-о, да будет благословен тот знойный полдень и тот рыжий бесенок, который возвратил мне дар речи! Примерно так думал я, и точно эти же слова изрек в неопишемом восторге мой отец. А мама... Я даже не могу передать словами, как обрадовалась моя милая мама,

прокричал что-то гнусное по поводу моей ущербности. Это было уже слишком, и я готов был взорваться от гнева, но почему-то не взорвался, а прокричал громовым голосом:

— Стой, если ты не трус! — О-о, да будет благословен тот знойный полдень и тот рыжий бесенок, который возвратил мне дар речи! Примерно так думал я, и точно эти же слова изрек в неопишемом восторге мой отец. А мама... Я даже не могу передать словами, как обрадовалась моя милая мама,

прокричал что-то гнусное по поводу моей ущербности. Это было уже слишком, и я готов был взорваться от гнева, но почему-то не взорвался, а прокричал громовым голосом:

МОЙ БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ЯЗЫК

РАССКАЗ

заслышав впервые за семь лет голос своего сына. Спусти какой-нибудь час в наш двор хлынуло почти все село. На моих глазах отлетали головы пестрых петухов и грузных индеек. Послушно друг за дружкой отпавившись в котел три тяжелых свисающих вала. Я не говорю уже о прочей снеди, которая в сказочном количестве варилась и жарилась, шипела и булькала, разнося по всей округе соблазнительные ароматы.

Ровно через десять лет после этого знаменитого пира я окончил сельскую среднюю школу. След за этим последовал институт, и стал я главным агрономом в родном колхозе. Приступил к работе, как говорится, засучив рукава. Если бы мне сказали, что нужно сдвинуть с места вот те горы, то я бы, ни секунды не раздумывая, принялся бы за дело. Но горы сдвинуть неохотию не было. Надо было двигать вперед сельское хозяйство. Вот почему целыми днями с утра до вечера я бегал по бескрайним владениям колхоза, на ходу щедро раздавая агротехнические рекомендации.

И вот на одном из заседаний правления колхоза председатель завел разговор о мерах повышения экономической эффективности виноградарства. Едва председатель произнес фразу насчет боль-

он хорош, твой «акачик»?

— Нет другого сорта, из которого выходило бы такое отменное вино! — вдохновенно продолжал я. — Сок его — животворный бальзам, к тому же в нем меньше алкоголя, чем в других винах. Вино из «акачика» излучает тепло поглощенных ягодами солнечных лучей, греет душу человека и помогает от недугов лучшие патентованного лекарства...

— Постой, постой, — перебил председатель, перестав улыбаться. — Не забывай, что ты агроном, а не доктор...

Но я уже не мог остановиться, ощущая необычайный прилив не только творческих сил, но и железного упорства.

— Ха! — грохнул председатель кулаком по столу. — Не забывай, что ты не истопник, а агроном! И к тому же вином из «акачика» мы не сможем выполнить государственный план этого года. Твой «акачик» растет очень медленно, а вот «ачикнаж»...

— Простите, товарищ председатель, — возразил я,

я не в силах побороть дискуссионный экстаз, будораживший мой разгоряченный мозг. — Хотя «акачик» и не растет, подобно сорняку, как этот «ачикнаж», но его лоза живет двести лет и даже дольше. Так что экономически он в перспективе выгоднее всех других сортов...

Председатель сорвался с места, словно подброшенный пружиной. Глаза его метали молнии.

— Мы с вами так не спорим, товарищ ученый агроном — официально и грозно произнес он.

условий, чем «акачик»...

Закончить мысль мне не дали, а председатель, схватившись за голову, выбежал вон. За ним последовали все члены правления. Я не знаю, о чем они там совещались во дворе под липой, но через две недели мне сообщили, что отныне колхозу агроном вообще не нужен. Так я стал бригадиром. А бригада моя располагалась на отшибе в маленьком хуторе Атышаду. Народ там был хороший, трудолюбивый и жилось нам совсем неплохо.

Как-то в разгар посадки табака я собрал во время перерыва членов бригады под сенью огромного ореха: ведь я был не только бригадиром, но и агитатором. Эту свою беседу я посвятил раз-

говору о вреде курения. Колхозники были поражены, узнав, что капля никотина убивает лошадь, и сокрушенно покачивали головами, усиленно дыма своими огромными трубками. Лучше пить вино из «акачика», продолжал я тем временем свою мысль, чем травить себя табаком. Приведа несколько ярких цитат из трудов прославленных ученых, я, кажется, добился успеха. Все хором закричали курение, как позорный признак человеческого безволия и темноты. А когда я довершил беседу сообщением о том, что из ста покойников девяносто девять с половиной являются жертвами никотина, гнев моих слушателей не было предела.

— Долой табак!

— Да здравствует «акачик»!

Весь остаток дня и весь вечер бригада дружно провозглашала тосты за мое здоровье, придавая анафеме злое зелье — табак. От слов перешли к делу: поутру бригада дружно приступила к посадке «акачика».

Вечером в нашу бригаду прискакал на коне один из членов правления колхоза. Когда он сказал, что меня вызывает председатель колхоза, я сразу же понял: бригадир в этой бригаде больше не нужен, а в колхозе объявилась новая вакансия. Так оно и вышло — начиная со следующего дня я возглавлял сельскую парикмахерскую. Не скажу, чтобы агрономические знания, особенно помогли мне в работе, но получалось у меня в общем-то неплохо. Два парикмахера наперебой брили меня — один утром, другой — вечером, а когда бывали посетители, то только вечером.

В один из дней в парикмахерскую пожаловал сам председатель. Усаживаясь в кресло, он покровительственно пробрился: — Тут, как я вижу, дела идут у тебя совсем неплохо. Гляжу на тебя и радуюсь: чистенький ты, выбритый. Надо было с самого начала назначить тебя сюда... В ответ я лишь хмыкнул, не без оснований услышав в словах председателя насмешку. Закончив процедуру и отдуваясь после горячего компресса, он вновь обратился ко мне: — Право же, ты мне очень нравишься сегодня! Молодец! Не огорчайся, что из тебя не получился агроном, зато ты будешь отличным парикмахером, — и вышел вон, издевательски хохотнув на прощание: — А как там насчет «акачика»?.. Я хотел было крикнуть ему вдогонку: «Стой, если ты не трус!», но язык словно застрял в горле.

Бедный, бедный мой язык... Впрочем, я не особенно тужу по случаю потери дара речи — знаю наверняка, что вновь у нас с председателем зайдет разговор по поводу преимуществ «акачика», и мы сразимся с ним, как в детстве с тем рыжим. А потом, по опыту известно, что будет: я вновь заговорю. И, наверное, вновь пойду в главные агрономы. Нет, лучше сначала стану бригадиром...

(Печатается с сокращениями.)